

А. С. ЧИКОБАВА

О ДВУХ ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ
ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

На территории Кавказа представлены языки: 1) индоевропейские (русский, украинский, армянский, осетинский, курдский); 2) алтайские (азербайджанский, кумыкский); 3) так называемые «кавказские»: картвельские (или иберийские), абхазско-адыгские, вейнахские (бадбийско-кистинские) и дагестанские. Среди них — 10 письменных (древнеписьменный грузинский, младописьменные — абхазский, абазинский, адыгейский, кабардинский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский и табасаранский) и около двадцати бесписьменных (занский, сванский, бадбийский, кистинский, агулский, рутулский, пахурский, удинский, хиналугский, будухский, крызский, рчинский, андийский, бутлхский, каратинский, тиндийский, багвальский, хваршинский, ахвахский, ди-дойский, капучино-гунизбский...).

Общее количество говорящих на индоевропейских и алтайских языках на Кавказе более 4 млн. чел. (в том числе на армянском языке только на территории Армянской ССР говорит около 1 млн. 200 тыс. чел., на осетинском языке — около 300 тыс. чел., на азербайджанском языке на территории Азербайджанской ССР — около 2 млн. 200 тыс. чел.). На «кавказских языках» говорит ныне на Кавказе около 3 млн. 300 тыс. чел. (в том числе на картвельских языках более 2 млн. 200 тыс. чел.).

Таким образом, далеко не все языки Кавказа являются «кавказскими»: на так называемых «кавказских языках» говорит меньше половины населения Кавказа. Термин «кавказские языки» не только не оправдан географически, но он неясен и лингвистически. В дальнейшем мы используем термин «иберийско-кавказские», обозначая им неиндоевропейские и неалтайские (несемитические) языки Кавказа (обоснование данного термина см. ниже).

Два вопроса являются основными, поскольку речь идет о лингвистическом изучении иберийско-кавказских языков. П е р в ы й — это вопрос об их историческом взаимоотношении: являются ли эти языки родственными, т. е. объединяются ли они общностью происхождения, или же то общее, что в них обнаруживается, представляет собою результат сближения совершенно различных по происхождению (и по строю) языков? Иными словами: «иберийско-кавказские языки» — это понятие генеалогической классификации или же понятие географическое? В т о р о й вопрос — это вопрос о взаимоотношении данных языков с другими семьями языков: следует ли считать иберийско-кавказские языки изолированной группой или же можно ставить вопрос об их родстве с другими группами языков, в частности с группой древних языков Передней Азии?

По этим вопросам (в основном — по второму) и высказывались участники дискуссии. В статье Е. А. Бокарева «Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков», которой журнал «Вопросы языкознания» (1954, № 3) открыл дискуссию, вопрос о родстве иберийско-кавказских языков получил — если можно так выразиться — «условно положительное» решение. К вопросу же о генетической связи иберийско-кавказских языков с другими генетическими группами, особенно с древними языками Передней Азии, Е. А. Бокарев относит резко отрицательно: он исключает даже постановку вопроса о возможной связи иберийско-кавказских с древними мертвыми языками Передней Азии, считая изучение таких связей «дезорентирующим специалистов по кавказским языкам». С. С. Какабадзе вполне солидарен с Е. А. Бокаревым. Что касается других участников дискуссии (акад. В. Георгиев, И. М. Дьяконов, И. М. Дунаевская), мнения их в большей или меньшей степени расходятся с мнением Е. А. Бокарева (особенно это нужно сказать о В. Георгиеве).

По обоим вопросам, естественно, придется анализировать в первую очередь положения статьи Е. А. Бокарева.

Географическое ли понятие «иберийско-кавказские языки»? Для Е. А. Бокарева очевидным является существование родственных групп: картвельской, абхазско-адыгской и вейнахской¹. Родство же дагестанских языков ставится под вопрос: «Обобщающее наименование „дагестанские языки“, — пишет Е. А. Бокарев, — основывалось на чисто географическом понятии, т. е. в большей степени на признаке территории и факта соседства языков, чем на признаке их материальной близости и родства по происхождению. Многочисленность дагестанских языков, малая изученность большинства из них, а порой даже и полная неизученность, значительные различия между ними как в области словарного состава, так и грамматики не давали полной уверенности в их генетическом единстве, хотя отдельные сопоставления слов и грамматических показателей в различных языках указывали на большую вероятность того, что и дагестанские языки представляют собой группу родственных языков»².

Указав на отдельные «попытки сравнительно-исторического истолкования фактов дагестанских языков», Е. А. Бокарев продолжает: «Однако в области изучения дагестанских языков нужна еще очень большая работа по описанию этих языков и их диалектов, по составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных подгрупп, прежде чем можно будет приступить к обобщающему исследованию вопроса о генетическом единстве всей совокупности дагестанских языков и к решению проблемы об их отношении к другим кавказским языкам»³.

Итак, пока не составлены сравнительно-исторические грамматики отдельных подгрупп дагестанских языков, оказывается, даже нельзя приступить «к обобщающему исследованию вопроса о генетическом единстве всей совокупности дагестанских языков» и тем более «к решению проблемы об их отношении к другим кавказским языкам», например к вейнахским или к абхазско-адыгским.

Если дагестанские языки — понятие «чисто географическое», каким же образом можно составлять их сравнительно-исторические грамматики?

¹ ВЯ, 1954, № 3, стр. 42.

² Там же, стр. 43 (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Там же (разрядка наша. — А. Ч.).

Если без составления сравнительно-исторических грамматик нельзя «приступить к обобщающему исследованию вопроса о генетическом единстве» дагестанской группы языков, на чем же строится положение об «очевидном родстве» таких групп, как картвельская, абхазско-адыгская, вейнахская? Ведь до сих пор не разработана сравнительно-историческая грамматика ни картвельских языков, ни вейнахских, ни, строго говоря, абхазско-адыгской группы языков.

Говоря об «очевидности родства» этих языков, Е. А. Бокарев полагается на мнение других авторов (а отнюдь не на доказательную силу сравнительно-исторической грамматики)¹. Но те авторы, которые признавали наличие родственных групп (картвельской, абхазско-адыгской, вейнахской), никогда — за все время существования историко-сравнительного языковедения — не сомневались в том, что и дагестанские языки, несмотря на существенные расхождения в грамматическом строе и словарном составе, являются родственными. Кавказоведы никогда не сомневались в том, что «дагестанская группа родственных языков» — понятие такое же реальное, как и понятие абхазско-адыгских, вейнахских или картвельских языков².

Ставя под сомнение родство дагестанских языков (со ссылкой на авторитет сравнительно-исторической грамматики), Е. А. Бокарев делает, во имя якобы строгости метода, шаг назад и вступает в противоречие со своим же положением о наличии трех родственных групп (картвельской, абхазско-адыгской, вейнахской).

Раз родство дагестанских языков оказалось у Е. А. Бокарева под сомнением, для него не может быть и речи о родстве различных групп иберийско-кавказских языков между собою. В самом деле, было бы более чем странно ставить под вопрос родство аварского языка с лакским, даргинским, лезгинским и в то же время считать аварский язык родственным баббийскому и тем более адыгским языкам или абхазскому, не говоря уже о грузинском языке (это, примерно, то же самое, что считать проблематичным родство болгарского языка с сербским, но признавать родство болгарского с польским языком).

Таким образом, по Е. А. Бокареву, «кавказские языки» оказываются лишь понятием географическим: если дагестанские языки нельзя рассматривать как понятие генеалогической классификации, то «кавказские языки» — и подавно. Этого требует последовательность. Но вопрос о последовательности в суждениях Е. А. Бокарева осложняется. Он пишет: «Еще большую трудность представляет собой выяснение генетического родства кавказских языков в целом. Эти языки так сильно различаются по своему грамматическому строю и словарному составу, что и посредственные сближения их без предварительных сравнительно-исторических реконструкций почти невозможны. Сомнения в родстве северокавказских языков с картвельскими не раз высказывались в литературе (Н. С. Трубецкой, А. Мейе, Г. Фогт, В. Поляк и др.). «Однако, — читаем далее, — большинство кавказоведов стоит на точ-

¹ Е. А. Бокарев сам отмечает, что «ни по одной из этих групп мы все еще не имеем сравнительно-исторических грамматик, в которых было бы систематически и последовательно показано генетическое родство языков, входящих в указанные группы» (там же, стр. 42).

² Кстати, и сам Е. А. Бокарев придерживался раньше такой же точки зрения. В 1949 г. он писал: «Яфетические языки Дагестана все родственны между собою, и много у них общего, в смысле словарного запаса и грамматического порядка» (Е. А. Бокарев, Краткие сведения о языках Дагестана, Махач-Кала, 1949, стр. 4; разрядка наша. — А. Ч.).

Если в 1949 г. эти языки были родственными, когда же они перестали быть таковыми? Куда исчезло то общее (много общего), что в них тогда имелось?

ке зрения генетического единства кавказских языков, так как отдельные сопоставления между этими языками, приводившиеся в литературе, сообщают этой точке зрения з н а ч и т е л ь н у ю степень вероятности¹.

«Значительная степень вероятности», о которой здесь говорится, конечно, не может заменить научного убеждения, опирающегося на твердое знание материалов живой действительности изучаемых языков. Если «большинство кавказоведов стоит на точке зрения генетического единства кавказских языков», то это обусловлено не наличием «отдельных сопоставлений между этими языками», как пишет Е. А. Бокарев, а тем обстоятельством, что «чем больше исследователи кавказских языков углубляются в их изучение, тем более возрастает число таких сопоставлений, усиливая уверенность в исконом родстве кавказских языков»².

Никто из кавказоведов, «стоящих на точке зрения генетического единства кавказских языков», не считал и не считает спорным, что «нужна еще большая работа по составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных языковых групп с тем, чтобы завершить сравнительно-историческое исследование кавказских языков и подойти к составлению сравнительно-исторической грамматики всей семьи кавказских языков в целом. Только это и смогло бы придать учению о генетическом единстве кавказских языков полную убедительность и превратило бы имеющиеся предположения в научно обоснованные утверждения»³.

Но вряд ли кто согласится с тем выводом, который делает отсюда Е. А. Бокарев: пока сравнительно-исторической грамматики не имеется, преждевременно говорить о родстве не только всех кавказских языков, но даже дагестанских языков; не имеется сравнительно-исторической грамматики дагестанских языков, значит, родство их проблематично (тем более это касается кавказской семьи языков в целом).

Языковед, непосредственно не занимающийся иберийско-кавказскими языками (например, специалист по индоевропейским, семитическим или финно-угорским языкам), конечно, вправе обуславливать свое отношение к положению о родстве иберийско-кавказских языков наличием сравнительной грамматики и сравнительного словаря исследуемых языков. У специалиста же, владеющего материалами исследуемых языков (в данном случае, иберийско-кавказских), определенное убеждение может (и должно!) сложиться в процессе исследовательской работы еще до составления сравнительно-исторической грамматики: не с составлением сравнительно-исторической грамматики и а ч и я е т с я исследование генетических связей языков, составлением такой грамматики оно п о д ы т о ж и в а е т с я (а родство языков тем самым становится очевидным и для неспециалистов по данным языкам).

В самом деле, родство индоевропейских языков считается установленным с 1816 г., когда вышло исследование Ф. Боппа «О системе спряжения санскрита в сравнении с системой спряжения греческого, латинского, персидского и германского языков», но сравнительной грамматики индоевропейских языков еще не имелось. Первая «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» Ф. Боппа в трех томах начала выходить в 1833 г. и была закончена в 1852 г., первая же «Сравнительная грамматика славянских языков» Ф. Миклошича в четырех томах выходила с 1852 г., причем последний (четвертый) ее том появился в 1874 г.

¹ ВЯ, 1954, № 3, стр. 43—44 (разрядка наша. — А. Ч.).

² Там же, стр. 44. Ср. Арн. Ч и к о б а н а, Исследование горских кавказских языков и наши задачи, «Известия Ин-та языков, истории и матер. культуры [АН Груз. ССР]», т. XII, Тбилиси, 1942, стр. 287.

³ ВЯ, 1954, № 3, стр. 44.

Значит ли это, что установление родства индоевропейских языков датируется 1852 г. или что родство славянских языков стало фактом науки лишь тогда, когда вышел последний том «Сравнительной грамматики славянских языков»? По Е. А. Бокареву, получается именно так: до этого ведь не было «сравнительной грамматики» означенных языков. Однако вряд ли кто из исследователей индоевропейских (или славянских) языков согласится с такими датировками и с формальным требованием составления «сравнительной грамматики» как необходимой предпосылки установления родства языков.

Родство языков может стать научно достоверным фактом в процессе исследования до составления сравнительной грамматики. И, наоборот, может случиться и так, что сравнительную грамматику составят, но родство не станет фактом, научно значимым. (Ср., например, попытку Мёллера доказать родство индоевропейских языков с семитическими¹.)

На этом не стоило бы задерживаться, если бы не одно обстоятельство: формально-механическая трактовка наличия «сравнительной грамматики» как критерия родства после языковедческой дискуссии получила определенное распространение среди части тех языковедов, которые до дискуссии, мягко говоря, отнюдь не являлись ревностными сторонниками сравнительно-исторического метода, да и после дискуссии применяют сравнительно-исторический метод весьма своеобразно, во всяком случае не так, чтобы его применение помогло восстановить подлинную историю происшедших в языке изменений или же поднять авторитет историко-сравнительного метода.

Такая формально-механическая трактовка роли сравнительно-исторического изучения языков и сравнительно-исторической грамматики, когда лишь на словах ратуют за строгость метода, не только не исключает произвольности суждений, но и свободно совмещается с ней. Так, например, как мы видели, родство дагестанских языков у Е. А. Бокарева стоит под вопросом, «дагестанские языки» остаются географическим понятием, но родство картвельских, абхазско-адыгских, вейнахских языков считается очевидным, хотя Е. А. Бокарев тут же замечает: «Однако ни по одной из этих групп мы все еще не имеем сравнительно-исторических грамматик, в которых было бы систематически и последовательно показано генетическое родство языков, входящих в указанные группы»².

Очевидность родства абхазского языка с адыгским, о которой говорит здесь Е. А. Бокарев, не мотивирована. Вопрос о родстве, например, аварского, лакского и даргинского языков остается у Е. А. Бокарева открытым, хотя эти языки ближе друг к другу и по грамматическому строю, и по лексическому составу, чем абхазский и адыгский.

В действительности родство аварского, лакского и даргинского языков, да и вообще всех дагестанских языков так же бесспорно, как и родство абхазского с адыгскими языками. Если бы Е. А. Бокареву были доступны реалии лакского и даргинского языков хотя бы в той степени, в какой ему известны факты дидойских языков, родство их также оказалось бы очевидным.

Считая очевидным родство картвельских, абхазско-адыгских, вейнахских языков и одновременно объявляя родство дагестанских языков проблематичным, нельзя ссылаться ни на имеющиеся в этих языках расхождения, ни на отсутствие сравнительно-исторической грамматики: существенные расхождения есть и среди языков абхазско-адыгской группы и среди даге-

¹ См. H. Möller, *Semitisch und Indogermanisch*, Kopenhagen, 1906 [обл.: 1907].

² ВЯ, 1954, № 3, стр. 42.

станских языков; сравнительно-исторической грамматики не имеется ни для абхазско-адыгской группы¹, ни по дагестанским языкам.

Следовательно, ссылка на необходимость составления сравнительно-исторической грамматики не может скрыть ни путаницы в понимании взаимоотношений между иберийско-кавказскими языками, ни произвольности в квалификации генетической связи языков различных групп, ни формально-механической трактовки сравнительно-исторического языкознания, наблюдаемых в статье Е. А. Бокарева.

*

Нельзя сомневаться в том, что генетическая общность объединяет каждую из следующих групп: картвельскую (или иберийскую), абхазско-адыгскую, вейнахскую и дагестанскую. Не считается спорным и то, что три последние группы (абхазско-адыгская, или западная, вейнахская и дагестанская, или восточная) являются родственными, несмотря на то, что абхазско-адыгская группа значительно отличается от вейнахской и дагестанской групп, близких друг к другу; генетическая общность северокавказских языков признана в специальной литературе.

Оспаривается родство северокавказских языков с южнокавказскими. В той или иной редакции до сих пор повторяют мнение Н. С. Трубецкого, сформулированное им еще в 1924 г. следующим образом. Кавказские языки «образуют две большие семьи: северокавказские языки и южнокавказские. Часто предполагают родство между этими семьями, но поскольку родство это далеко не очевидно и так как никогда еще не было доказано подлинно научным способом, было бы лучше употреблять термин „кавказские языки“ только лишь в географическом смысле и не объединять эти две семьи в генеалогическую таблицу»².

Автор ряда исследований по северокавказским языкам Н. С. Трубецкой не занимался картвельскими языками и, повидимому, лишен был возможности иметь собственные суждения по вопросам их истории, хотя бы в той степени, в какой ему были доступны материалы северокавказских языков. К сожалению, у Н. С. Трубецкого ничего не говорится о том, что считал он «подлинно научным способом доказательства родства языков», не сказано ничего и про то, каким способом доказано родство северокавказских языков. Во всяком случае, давая в своей статье общую характеристику северокавказских языков, он ограничивается указанием на следующие черты:

1) богатство согласными, в особенности лабиализованными, так же как спирантами и аффрикатизованными латералами, неизвестными другим западнокавказским языкам;

2) в морфологии — различение активного падежа (*casus agens*: это субъект переходных глаголов) и пассивного (*casus patiens*: это субъект непереходных глаголов и прямое дополнение переходных глаголов);

3) главные корни состоят из одного согласного; там же, где это правило нарушено, налицо сращение окаменелого префикса с корневым элементом;

4) много общих элементов и в словарном составе данных языков³.

И это — все! Родство же — на основании данных общих черт — признано, хотя Н. С. Трубецкой специально отмечает, что не имеется срав-

¹ Опыт сравнительной морфологии языков данной группы дан Ж. Дюмезилем.

² N. Tрубецкой, *Langues caucasiennes septentrionales*, сб. «Les langues du monde», [под ред.] A. Meillet et M. Cohen, Paris, 1924, стр. 327. Статья о южнокавказских (картвельских) языках в этом издании написана А. Мейе.

³ См. там же, стр. 328 и сл.

нительной грамматики северокавказских языков¹. Что касается вышеперечисленных общих черт северокавказских языков, то они характерны и для южнокавказских языков: если их достаточно для обоснования родства, то южнокавказские языки, согласно Н. С. Трубецкому, следовало бы признать родственными с языками северокавказскими, чего Н. Трубецкой не делает.

В новом, втором, издании труда «Языки мира» (1952 г.) как северокавказские, так и южнокавказские языки рассматриваются в одной статье, автор которой Ж. Дюмезиль, известный исследователь кавказских языков, повторяет формулу Трубецкого в несколько измененной редакции: «Если родство всех северокавказских языков достоверно, то родство их с южнокавказскими языками является лишь вероятным»².

*

Расхождения между различными группами иберийско-кавказских языков могут поразить при первом знакомстве. Обозревая описательные грамматики таких языков, как абхазский, адыгейско-черкесский, грузинский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский, удинский, нельзя не удивляться разнообразию, которое обнаруживается в фонетической системе, морфологическом строе и лексике данных языков: казалось бы, между ними нет ничего общего.

Так, например, если общее количество фонем в грузинском языке не превышает 33, то в бацбийском одних согласных фонем не меньше 32, в аварском — 42, в абхазском — 50 (в тапантском диалекте абхазского языка число согласных достигает 80).

В вейнахских, дагестанских и картвельских языках налицо разная система склонения, в абхазском же языке склонения нет: там отсутствуют формы таких падежей, как родительный и дательный (значение родительного падежа выражается местоименными префиксами, наращиваемыми на соотносительное слово: сын *Инала* = *Инал его-сын*). Зато в абхазском глаголе находят выражение лицо и грамматический класс, а также число как субъекта, так и объекта; отношения, выражаемые падежами; значения, выражаемые обстоятельством места, времени, образа действия. Если же взять глагол лезгинского языка, в нем не найти никакого морфологического выражения ни лица, ни грамматического класса, ни числа субъекта (не говоря уж об объекте).

В адыгейском или грузинском полиперсональном глаголе обозначается лицо субъекта и объекта. Аварский же глагол не знает категории лица: глагол может изменяться по классам³, причем непреходный глагол спрягается по классам субъекта («субъектное классное спряжение»), переходный же глагол — по классам объекта («объектное классное спряжение»). Вообще категории грамматических классов ярко выражены в вейнахских и дагестанских языках, а также в абхазском языке, но их не имеется в действующей грамматической системе языков адыгских и картвельских, а из дагестанских языков — в лезгинском и удинском. Эргативная конструкция налична при переходных глаголах всех времен в дагестанских, вейнахских, адыгских языках, а также в чанском диалекте занского язы-

¹ См. N. Troubetzkoy, указ. соч., стр. 339.

² G. Dumézil, *Langues caucasiennes*, сб. «Les langues du monde» [под. ред.] A. Meillet et M. Cohen, nouvelle éd., Paris, 1952, стр. 228.

³ Можно было сказать по «родам», но грамматические категории «рода» и «класса» существенно разнятся: названия животных (или предметов) никогда не входят в первый класс («мужской род»), а только во второй и третий.

ка, в грузинском же и сванском языках эта конструкция характерна для переходных глаголов лишь в прошедшем времени (во временных образованиях второй серии).

О словарном составе иберийско-кавказских языков, казалось бы, и говорить не приходится: даже по внешней структуре они представляют собою несводимые величины: в аварском слове стечение двух согласных встречается редко, в картвельских языках (в грузинском, в большей мере — в сванском), в абхазском, адыгских языках обычно наблюдается стечение согласных, к тому же порой «совершенно немислимое».

Отдельные общие явления мелькают и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе, но они не меняют впечатления крайнего разнообразия грамматической системы этих языков. Поэтому вполне естественно, что, когда знакомятся с иберийско-кавказскими языками по описательным грамматикам, обычно исторически первичными считают имеющиеся расхождения, что же касается общих явлений, то их рассматривают как результат контакта (сближения) различных по происхождению (и по строю!) языков¹.

Что является исторически первичным в иберийско-кавказских языках: то, что объединяет их, или же то, что разъединяет? Дифференцировалось ли исторически общее, расходясь до полного различия, или совершенно различное по началу — в процессе многовекового контакта — привело к выработке отдельных общих черт? Для научного решения данного вопроса существует один-единственный путь: проследить ретроспективно развитие данных языков и документально проверить, как выглядят отношения между языками: убывает ли общее или уменьшаются расхождения? Если иберийско-кавказские языки объединены общностью происхождения, то чем глубже проникнем в историю, тем ближе окажутся языки, и наоборот.

В результате работы, которая велась над языками картвельскими (в особенности над древнегрузинским, занским и сванским), над абхазским, адыгейским и кабардинским, над всеми вейнахскими языками и большинством языков дагестанской группы², стало возможным глубже понять грамматический строй иберийско-кавказских языков, уяснить принципы, лежащие в их основе, точно установить не только фонематический состав, но и фонетические процессы и, что существенно важно, направление этих процессов, выявить определенные звукосоответствия как внутригрупповые, так и межгрупповые. Новое освещение получил принцип, определяющий строение слова. По-новому стала пониматься эргативная конструкция, в которой находят выражение особенности и спряжения глаголов и склонения имен.

Пока еще нет историко-сравнительной грамматики иберийско-кавказских языков³, но имеется обоснованное решение узловых моментов фонетики и грамматического строя, а также корнеслова в историческом аспекте. Принципиально важными мы считаем следующие положения, добытые в процессе работы.

¹ К такому пониманию исторического взаимоотношения, видимо, склонялся впоследствии И. С. Трубецкой. Поразительная глубина лингвистического анализа, характерная для Г. Шухарда, позволила ему на основании изучения одних только письменных источников проследить ряд общих явлений в иберийско-кавказских языках там, где казалось очень мало внешних признаков этого.

² У нас в Тбилиси исследовались 4 письменных и 11 бесписьменных дагестанских языков. Результаты опубликованы, к сожалению, лишь частично. Только теперь удается дать публикацию основных работ.

³ Разрабатывается «Введение в историко-сравнительную грамматику иберийско-кавказских языков».

В фонетике — древнее состояние системы согласных лучше сохранено в вейнахских и картвельских языках; ларингальная и фарингальная группы упростились; система палатальных, дентальных и лабиальных исторически усложнялась (о процессах, имевших здесь место, можно получить представление по диалектным данным адыгских, а также андийско-дидойских и даргинских наречий)¹. Стечение согласных, как правило, — результат выпадения гласных (под влиянием ударения). Конец слова подвергся усечению (в абхазском, картвельских, вейнахских языках) под влиянием фонетических процессов.

Именная и глагольная основы вначале не дифференцированы (глагольная основа имела именной характер). Основа в ее простейшем виде исторически односложна; состоит из согласного и детерминативного суффикса. Детерминативные суффиксы выявлены в картвельских языках, в адыгских языках, в ряде дагестанских языков (эти суффиксы в картвельских языках Н. Я. Марр выделял как суффиксы женского рода в сопоставлении с суффиксами женского рода семитических языков, причем все имена оказывались по этим суффиксам одного рода — женского).

Категория рода чужда всем иберийско-кавказским языкам; даже там, где язык морфологически различает три группы имен (мужчин, женщин и все остальное), например в аварском, налицо категории грамматических классов (I, II, III) со специфическим оценочным критерием их различения, но нет мужского и женского родов (ни одно животное или предмет не может включаться в I класс, не может быть «мужского рода»).

Одни и те же семасиологические классы различаются во всех языках: категория личности (человека) и вещи (вопрос *кто?* относится только к человеку; всем животным соответствует вопрос *что?*). Эти две основные категории исторически были характерны для всех иберийско-кавказских языков (в единственном числе), дифференцируясь порой до четырех классов (два — для человека, два — для всего остального).

Категории грамматических классов обозначались префиксами в именах существительных, в глаголах, в отглагольных именах (в числительных классные экспоненты могли суффиксировать). В таких языках, как картвельские, адыгские, где теперь морфологически не различаются категории человека и вещи², они последовательно различались, причем общими были не только морфологические категории, но и соответствующие префиксы. Общность морфологического инвентаря — классных экспонентов (*v-, b-, d-, r-*) — в дагестанских, картвельских, а также адыгских языках может быть объяснена лишь предположением генетической общности, в противном случае система формантов этой основной грамматической категории, *наличной* и в именах, и в глаголах, не могла бы быть общей у таких языков, как андийский и древнегрузинский.

Новое понимание исторического состава именных и глагольных основ (классный экспонент + корневой согласный + детерминативный суффикс) в иберийско-кавказских языках дает возможность обнаружить исторически общие элементы в словарном составе там, где с первого взгляда нет ничего общего; широкие перспективы, открываемые таким пониманием строения основы, должны учитываться в процессе историко-сравнительного анализа означенных языков.

Префиксация, являясь ныне ведущим морфологическим принципом,

¹ Литература вопроса указана в статье К. В. Ломтатидзе «Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания» (ВЯ, 1955, № 4).

² Семасиологически категории человека и вещи в этих языках, как показано выше, различаются и поныне.

не исключает и суффиксации. Но всюду, где только можно проследить историю соответствующих образований, префиксация оказывается первичной, суффиксация — явлением позднейшим; эта формула, проверенная на фактах, становится основой при установлении релятивной хронологии конкретных фактов морфологии. В частности, суффиксация в склонении при преобладании префиксации в спряжении объясняется тем, что исторически в иберийско-кавказских языках глагол оформился раньше имени. Увеличение удельного веса суффиксации в более поздних образованиях, надо думать, происходило не без влияния иносистемных языков.

Показания исторической морфологии грузинского глагола, в котором были прослежены остатки классного спряжения, внесли ясность в понимание исторического взаимоотношения трех различных принципов спряжения, представленных в иберийско-кавказских языках: классное спряжение (в аварском языке), классно-личное (в лакском, даргинском, баббийском, абхазском языках) и личное (адыгские, картвельские языки) образуют три последовательные ступени развития классного спряжения, являющегося исходным. Классное спряжение (объектное у переходных глаголов, субъектное — у непереходных) в дальнейшем усложняется обозначением личных форм и ведет — по отпадении категории грамматических классов — к полиперсональному спряжению.

Эргативная конструкция предложения, как теперь установлено, была единственной конструкцией при переходных глаголах в тот период, когда в спряжении грузинского глагола различались аспекты, а не времена: номинативная конструкция возникла впоследствии.

Абхазский язык выражает эргативную конструкцию средствами инкорпорации (при отсутствии падежных флексий), путем своеобразного использования глагольных префиксов, по-разному инкорпорируя субъектные и объектные форманты в спряжении глагола. Эргативная конструкция одинаково характеризует все живые иберийско-кавказские языки (номинативная конструкция при переходных глаголах — явление позднейшей формации).

Эргативная конструкция внутренне связана с начальной залоговой дифференциальностью основы переходного глагола, неразличением действительного и страдательного залогов. Действительный залог формируется в переходных глаголах средствами каузатива. Страдательный залог образовался в дальнейшем из действительного. Различные ступени соответствующего процесса представлены в различных группах иберийско-кавказских языков.

Таковы основные пункты, по которым различные иберийско-кавказские языки в настоящее время сильно расходятся друг с другом, а с учетом истории соответствующих процессов обнаруживают исконную общность — не только структурную, но и материальную. Общее в них первично. Чем глубже вскрывается история, тем больше оказывается общего: историческое изучение подтверждает генетическую общность.

Конечно, различные группы иберийско-кавказских языков обнаруживают различную степень близости. Но генетическая общность всех этих групп настолько дает себя знать, что нельзя должным образом изучать научную историю какой-либо одной группы без учета данных других групп: нельзя решать основные вопросы древнейшей истории грузинского языка без учета показаний бесписьменных картвельских языков, без приращения фактов вейнахских, дагестанских, абхазско-адыгских языков, и наоборот: нельзя правильно понять основные принципы грамматического строя языков абхазско-адыгской, вейнахской и дагестанской групп, если игнорировать данные истории картвельских языков.

*

Пояснения требует термин «иберийско-кавказские языки». Вплоть до 1948 г. нами употреблялся термин «кавказские языки»¹, причем приходилось оговаривать, что это — языки собственно кавказские, что не все языки Кавказа являются кавказскими. Условность термина «кавказские языки» (он не оправдан географически, не ясен лингвистически) давала себя знать тем сильнее, чем больше фактов выявлялось в пользу генетической общности языков — северокавказских с южнокавказскими. Дать полный перечень состава языков («картвельско-абхазско-адыгско-иверийско-дагестанские») в термине невозможно. Термин «иберийско-кавказские языки» значит «картвельско-кавказские языки». Почему же в термине выделено название одной группы (иберийской)?

1. Термин «иберийский» акцентирует историчность понятия «иберийско-кавказские языки» как понятия генеалогической классификации: под названием Иберии известна Восточная Грузия документально со времен Страбона (I в. до н. э.). «Греки называли иберами население страны, где говорили на этих [=картвельских] языках, и армяне называли это население Вир-к, что является тем же словом [ибер]: арм. *v* может представлять древний интервокальный *b*, а *i* — древний *ea*»².

Акцентируя историческое, термин «иберийский» имеет преимущество перед термином «грузинский».

2. На иберийских (картвельских) языках говорит более $\frac{2}{3}$ всего количества лиц, говорящих на иберийско-кавказских языках (2 млн. 200 тыс. чел. из общего количества 3 млн. 200 тыс. чел.). При таком положении вещей игнорировать в наименовании наших языков термин «иберийский» было бы неверно.

3. Необходимость термина «иберийский» (в названии «иберийско-кавказские языки») подчеркивается и тем обстоятельством, что под вопрос ставят отношение именно южнокавказских (т. е. иберийских) языков к северокавказским (Трубецкой, Дюмезиль). Поскольку мы считаем научно бесспорным генетическое единство северокавказских языков с южнокавказскими, термин «иберийско-кавказские языки» выражает данное понимание более ясно, чем термин «кавказские языки»³.

Термин «иберийские языки» для нас является синонимом «картвельских языков» (и его употребление не обусловлено тем, что собою представляли древние иберийские языки Пиренейского полуострова).

Быть может, следует отметить и то, что термин «иберийские языки» как синоним «картвельских языков» мы встречаем еще у Ф. Боппа. «Грузинский язык вместе с мингрельским, сванским и лазским, — писал он в 1842 г., — образует более тесный круг языков, иберийский или грузинский (den iberischen oder grusinischen Sprachkreis), из которого нам до сих пор был известен грамматически лишь собственно грузинский»⁴.

¹ См., например, А. Чиковава, *Общее языковедение*, I, Тбилиси, 1935; 2-е изд.— 1939; 3-е изд.— 1946 [не изд.— на груз. яз.].

² A. Meillet, *Langues caucasiennes méridionales*, сб. «Les langues du monde», 1924, стр. 343.

³ Отстаивая термин «кавказские языки», проводит иногда следующую аналогию: «...термин «индоевропейские языки» имеет в виду определенную семью языков — никто не смешивает с ними венгерский, чувашский, дагестанские или дравидские языки и все относят к ним персидский и хеттский» (С. С. Какабадзе, ВЯ, 1955, № 4, стр. 68). Аналогия эта несостоятельна: в Европе на индоевропейских языках говорит по меньшей мере $\frac{4}{5}$ населения, на Индийском полуострове $\frac{2}{3}$ населения говорит на индийских языках, на Кавказе же на «кавказских языках» говорит меньше половины (около 3 млн. 300 тыс., на других же, «некавказских», — более 4 млн.).

⁴ F. Bopp, *Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes*, Berlin, 1847, стр. 3.

Термин «иверийские (= иберийские) языки» использовал для обозначения картвельских языков профессор Петербургского университета А. Цагарели: «Факт, что относительно генетической связи и в е р и й с к и х или к а р т в е л ь с к и х языков (грузинского, мингрельского, лазского и сванетского) с установленными семьями языков мнения расходятся, не подлежит сомнению»¹.

Термин «иберийские языки» был вытеснен из употребления марровским термином «яфетические языки» (вначале «яфетическими языками» у Н. Я. Марра назывались именно картвельские языки). Предметом нападок понятие и термин «иберийские языки» стали в годы господства марристов. Объявляя «нелепыми» представления о происхождении и дальнейшем развитии языка у представителей сравнительно-исторической школы младограмматиков, апологеты четырехэлементной палеонтологии Н. Я. Марра писали: «В связи с этим можно вспомнить наблюдаемые еще у нас, в советском языкознании, псевдонаучные термины: иверийский „общий язык“ проф. Чикобава, „прародина армян“ проф. Капанцян, „славянская общность“ проф. Кузнецова, теория угро-финского... „контакта“ проф. Бубриха...»².

В настоящее время один из авторов, участвовавших в дискуссии, произвольно приписал мне мысль, будто кавказские языки произошли от языка-основы картвельских языков³. Преемственность в охаивании термина («иберийские языки») здесь, возможно, не только логическая, но и историческая.

*

Каково отношение иберийско-кавказских языков к другим семьям языков? Изолированная ли это группа или же генетически они связаны с другими языками, и если — да, то с какими? Таков второй основной вопрос, с естественной необходимостью встающий в связи с историей иберийско-кавказских языков. Вопрос этот не новый, ставился он не раз и решался по-разному.

Иберийско-кавказские языки издревле находились в контакте с индоевропейскими, семитическими языками, позднее с алтайскими. Вполне естественно исследователи обращались именно к этим языкам. Акад. М. Броссе считал грузинский язык индоевропейским (1834). Один из основателей сравнительного языкознания Ф. Бопп посвятил специальное исследование обоснованию родства иберийских языков с индоевропейскими, в частности с санскритом⁴. В 1855 г. английский филолог М. Мюллер высказывался за отдаленное родство кавказских языков с алтайскими (тюрко-татарскими) языками. Н. Я. Марр пытался доказать родство картвельских (а затем и всех кавказских) языков с семитическими языками, но в дальнейшем сам отказался от таких попыток. Все эти теории

¹ А. Цагарели, Мингрельские этюды, вып. II — Опыт фонетики мингрельского языка, СПб., 1880, стр. 1. См. его же: «Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков» (СПб., 1872, автор. изд.) и «О грамматической литературе грузинского языка» (СПб., 1873).

² В. К. Николаевский в Н. Ф. Яковлев, Основные положения материалистического учения Н. Я. Марра о языке, ИФ, 1949, № 1, стр. 278.

³ «... положение, как будто вытекающее из терминов „хетско-иберийские“ и „иберийско-кавказские“ языки» (С. С. Какабадзе, указ. соч., стр. 69). Впрочем автор не дает себе труда доказать, каким образом это «вытекает». Из термина «иберийско-кавказские языки» так же не вытекает, что все эти языки произошли от картвельских, как из термина «индоевропейские языки» не вытекает, что они произошли из индийских.

⁴ См. Ф. В о р р, указ. соч.

ныне представляют лишь исторический интерес: никто их уже не защищает¹.

Иначе стоит вопрос о генетической связи иберийско-кавказских языков с древними, ныне мертвыми языками Передней Азии. Объективному положению вещей, на наш взгляд, отвечает мнение, согласно которому иберийско-кавказские языки исторически связаны с указанными языками, которые не являются ни индоевропейскими, ни семитическими, ни алтайскими: таковыми признаны протохеттский (т. е. собственно хеттский), урартский, хурритский, эламский. Живые неиндоевропейские, несемитические языки современного Кавказа и древние неиндоевропейские, несемитические языки Передней Азии естественно включать в один круг родственных языков, которые могут называться по-разному (например, алародийскими, азиано-кавказскими) и которые мы считали возможным обозначать термином «хеттско-иберийские языки» (точнее: «протохеттско-урартско-иберийско-кавказские», если бы такой термин был возможен). При этом мы оговаривали те трудности, которые возникают при исследовании исторических взаимоотношений живых языков (Кавказа) с мертвыми языками (Передней Азии и Средиземноморья).

Эти языки изучены далеко не достаточно. Они ныне не употребляются. Материал по этим языкам, которым располагают исследователи, скуден. Расшифровка писем клинописных (и тем более иероглифических) папирусов наталкивается на большие трудности: нелегко установить, как произносилось написанное и что оно значило в точности; как отмечают специалисты: идеограммы понятны, но неизвестно, как звучало соответствующее слово; клинопись же читается относительно легко, но значение понять в точности не удается...

Пережиток языков этого круга мы имеем в современных иберийско-кавказских языках, которые тоже не являются ни индоевропейскими, ни семитическими, ни алтайскими. Этим объясняется исключительный интерес к изучению живых иберийско-кавказских языков, в которых думают обрести ключ к разгадке древних мертвых языков Передней Азии.

Следует, однако, отметить, что попытки сближения с иберийско-кавказскими языками азианских языков (Хюзинг, Борк, Тромбетти, Вайднер, Форрер, Контено и др.) пока что лишены, к сожалению, должного методического обоснования, поскольку привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в наличной системе родственных языков².

Таким образом, здесь разделяется мнение о генетической связи древних языков Передней Азии (неиндоевропейских, несемитических) с такими же (неиндоевропейскими, несемитическими) языками Кавказа, причем мнение это рассматривается как гипотеза, требующая обоснования, отмечается, в чем трудность обоснования данной гипотезы, и указывается, чего не достает наличным попыткам сближения с иберийско-кавказскими языками азианских языков.

Как видно, нами должным образом учитывается большая разница, которая существует между положением о генетической общности иберийско-кавказских языков и положением о генетической общности хеттско-иберийских языков. Научная актуальность проблемы (и, соответственно,

¹ Однако, не принимая этих теорий, никто из ученых не считал научно недопустимой, «дезорентирующей» постановку вопроса о родственных связях иберийско-кавказских языков с языками других семей.

² А. С. Чиковава, Введение в языковедение, ч. I, М., 1952, стр. 226—227.

необходимость обоснования данного гипотетического положения) признается нами бесспорной и в других наших работах.

Резко отрицательны высказывания Е. А. Бокарева о проблеме возможной связи иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии. По мнению Е. А. Бокарева, «утверждение о существовании хеттско-иберийской языковой семьи лишено какого бы то ни было реального обоснования, не может быть проверено научными методами, а потому и не может выдвигаться в настоящее время даже как рабочая гипотеза»; оказывается, что это «чисто декларативное утверждение, не вытекающее из фактического материала»; что «наличие подобных априорных утверждений о существовании хеттско-иберийской языковой семьи и постановка задач, не соответствующих уровню изучения кавказских языков, не может положительно влиять на дальнейшее развитие советского кавказоведения»; оказывается, наконец, что «постановка вопроса об исторической общности хеттско-иберийских языков дезориентирует специалистов по кавказским языкам, отвлекает их от очередных насущных задач, имеющих решающее значение для развития современного кавказоведения»¹.

Таким образом, согласно категорическим утверждениям Е. А. Бокарева, изучать взаимоотношения этих языков не только невозможно фактически и вообще недопустимо. Словом, не только положение о родственной хеттско-иберийской (т. е. протохеттско-кавказской) семье неприемлемо, — сама постановка вопроса о генетической связи означенных языков не научна и по сути дела вредна («дезориентирует специалистов по кавказским языкам»²). Не заниматься указанной проблемой, а отбросить ее как несовместимую с советским кавказоведением — таково заключение Е. А. Бокарева.

Согласиться с этим мнением Е. А. Бокарева нельзя: проблема связи древних неиндоевропейских и несемитических языков Передней Азии с иберийско-кавказскими языками — проблема научная, притом большей актуальности. Проблему эту можно решать и нужно решать, сосредоточив усилия на том, как сделать, чтобы решение было научно обоснованным, убедительным. Если советские кавказоведы устроятся от решения этого вопроса, он из-за этого не будет снят, разработка его будет продолжаться, но уже без нашего участия.

Проблема эта поставлена отнюдь не тбилискими специалистами, не кавказоведами и даже не языковедами, а ориенталистами, специалистами по истории древней Передней Азии. Прошло около 70 лет с тех пор, как ориенталист Ф. Гоммель выдвинул положение об алародийской семье языков; в эту семью он включал древние языки Передней Азии и Средиземноморья и генетически связывал с ними кавказские языки, в которых он видел живых представителей алародийской семьи. С тех пор не один ориенталист ставил вопросы об отношении упомянутых древних языков к кавказским.

К кавказским языкам ориенталисты обратились не потому, что хотели обойти молчанием связи этих древних языков с языками семитическими, индоевропейскими, а по той простой причине, что с индоевропейскими и семитическими языками эти языки не увязывались, индоевропейские и семитические языки не помогали ориенталистам в расшифровке мертвых языков. Исследователи обратились к живым кавказским языкам.

¹ ВЯ, 1954, № 3, стр. 53.

² Поскольку термин «хеттско-иберийские языки» употребляется тбилискими кавказоведами, подумавши, что эта гипотеза — дело тбилиских специалистов. Ср. высказывания С. С. Канабадзе (указ. соч., стр. 66—67). Но, конечно, это не так.

надеясь в них найти ключ к разгадке письменных памятников мертвых языков.

«Язык урартийский, — писал лет 50 назад известный исследователь осетинского языка профессор Московского университета В. Ф. Миллер, — еще Франсуа Ленорман и Сейс сближали с языками кавказскими, главным образом иверийской группы. Гоммель находит в нем большее родство с языками северокавказскими, чем закавказскими, и указывает на его родство также с языком митанни... Вообще открытие и дешифровка ванских надписей, язык которых обнаружил в своем строении сходство с языками кавказскими, всего раньше обратило внимание европейских ученых на кавказское языкознание и внушило им мысль о возможности найти на Кавказе ключ к открытию генетических отношений древних переднеазиатских и особенно малоазиатских языков, не принадлежащих ни семитской, ни арийской семье»¹.

«Нет сомнения, — читаем далее в той же статье, — что некоторые из кавказских народностей представляют собой потомков древних переселенцев с юга, из Малой Азии, искавших себе убежище в кавказских горах, и потому нет ничего невероятного в том, что в языке древнего Ванского царства оказываются сходства с языками картвельской семьи, а в этрусском языке, по преданию, родственном с лидийским, могут найтись аналогии с языками Дагестана.

В обзоре несемитских народностей передней Азии нам остается еще коснуться древнего населения Элама (или Сузианы)...

Ассириолог Гоммель еще в 1884 г. высказал предположение о его (эламского языка. — А.Ч.) родстве с южнокавказскими языками, особенно с грузинским. К такому же мнению склонился в 1896 г. Гейнрих Винклер и, повидимому, это мнение разделяется Гюзингом и Гофманом Кучке. В одном частном письме ко мне последний указывает на родство эламского с цахурским наречием Дагестана. Можно надеяться, что дальнейшие исследования точнее выяснят этот вопрос, как и вообще отношение кавказских языков к древним вымершим переднеазиатским»².

Как видно из приведенных мест, «априорные», «чисто декларативные» (по терминологии Е. А. Бокарева) утверждения о генетической связи древних языков Передней Азии с иберийско-кавказскими высказывались В. Ф. Миллером полвека тому назад, задолго до тбилисских специалистов, в частности они были высказаны за тридцать лет до появления статьи И. А. Джавахишвили, опубликованной в 1937 г., — статьи, на которую указывает С. Какабадзе³.

Характерно и такое место в статье В. Ф. Миллера: «Царь Тиглатпилесар I подчинил страну Кумух, но должен был охранять ее от вторжений новых хеттских племен — мусков, вслед за которыми туда же продвигаются из Малой Армении другие орды — каску и табаль. Ассирийцы причисляют их также к хаттийцам, почему следует предположить, что эти племена находились в тесных отношениях с властителями страны Хатти. Ассирийским царям удалось отразить от пределов государства напор и этих хаттийских народов. Остатки племени мусков в VIII веке и позже живут в восточной части Малой Азии (Малой Армении, Понте), а имя их сохранилось доселе в названии месков, народа картвельского (грузинского) племени, живущего в Ахалцхском уезде

¹ В. Ф. Миллер, *Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии Передней Азии*, «Этнограф. обозрение», 1906, № 3—4, стр. 8.

² Там же, стр. 13—14.

³ Кстати, те же мысли И. А. Джавахишвили высказывал еще в своей «Истории грузинского народа» (изд. I, Тифлис, 1913 [на груз. яз.]).

Тифлисской губернии. Что касается табалов (табаль), то название это сохранилось в Тибаренах классических писателей, а племя каску цекоторые ученые склонны отождествлять с кавказскими колхами»¹.

Гоммель, пишет В. Ф. Миллер, «...обозначая все несемитские народности, которые другие ученые условно называют хаттийскими, термином „алло-родичи“..., выставляет гипотезу, что вся огромная полоса народов, простирающаяся от Кавказа через Армению, горную Мидию к Эламу, принадлежала одной лингвистической семье, представители которой сохранились в современных „кавказских“ языках (картвельских, лезгинских).

Будущие успехи в кавказоведении и в изучении древних культурных языков Передней Азии могут и не подтвердить этой гипотезы в целом, но несомненно уяснят многие вопросы древней этнографии Азии и откроют новые перспективы во взаимные отношения лингвистических семей нашего материка»².

Это писал В. Ф. Миллер в 1906 г. С тех пор многое изменилось: в архиве Богаз-кея был обнаружен такой индоевропейский язык, как неситский, обычно называемый хеттским. Ряд других языков древней Передней Азии (лувийский, лидийский, карийский...) многие ориенталисты склонны считать также индоевропейскими. Однако и теперь никто не считает индоевропейскими языки протохеттский³ (хаттский), хурритский, урартский. Вопрос о генетических связях этих языков с иберийско-кавказскими в науке стоит попрежнему: его никто не снимал. Попрежнему ориенталисты, в связи с анализом текстов мертвых неиндоевропейских, несемитических языков, апеллируют к живым иберийско-кавказским языкам.

Показательно в этом отношении исследование венгерским ученым Ю. Месарошем убыхского языка, незначительного по распространению языка абхазско-адыгской группы, представленного ныне лишь в Анатолии. Этому языку посвящена большая монография (402 стр.). Ю. Месароша с обстоятельным изложением вопросов фонетики и морфологии, а также лексики убыхского языка. Работа вышла в 1934 г.

К исследованию убыхского языка Ю. Месароша привели его занятия протохеттским языком: «В процессе моих аналитических и сравнительных исследований, — пишет Месарош, — которые я вел в области переднеазиатских протонисторических языков, мое внимание было направлено особенно на один до сих пор неразъясненный язык древнего хеттского государства (Chatti-Reich), который по клинописным источникам из Богаз-Кея называется „хаттским“ („chattisch“) и в научной литературе некоторыми исследователями называется „протохаттским“. Этот загадочный язык, характеризующийся богатством префиксных элементов, по своему грамматическому строю противостоит другим известным языкам хеттского государства»⁴.

Чтобы «вникнуть в древний хаттский язык, культуру и историю», Месарош взялся за изучение живой убыхской речи. К какому же он пришел выводу?

«Если сравнить вымирающий ныне убыхский язык с древнеанатолийским хаттским языком (Chatti-Sprache), получим заслуживающие внимания доказательства теснейшей генетической связи обоих языков. В особенности грамматический строй обоих языков так близок (а ныне

¹ В. Ф. Миллер, указ. соч., стр. 9—10.

² Там же, стр. 15.

³ См., например, E. H. Sturtevant and E. A. Hahn, A comparative grammar of the hittite language, vol. I, rev. ed., New Haven — London, 1951, стр. 4.

⁴ J. von Mészáros, Die Pákhý-Sprache, Chicago, 1934, стр. 4.

общепризнано, что грамматический строй — основа родства языков), что вряд ли можно сомневаться в теснейшей связи обоих языков.

Исконный древний хаттский язык был распространен во втором тысячелетии до н. э. в пределах того государства, которым владели хеттские великие царь. Хаттский язык, очевидно, принадлежал древнейшему из известных нам теперь этническому слою. Древнейшую родину убыхского языка, следовательно, можно искать в этой области¹.

Далее Ю. Месарош указывает на близость не только грамматического строя, но и всей системы обоих языков и, что особенно важно, — на идентичность формантов («грамматических элементов»):

«... Дело идет не только о сходстве отдельных элементов языка, сходство простирается на всю систему языка.

Таковы: детерминация имен при помощи префиксов и суффиксов, элементы отдаления, как местоимения, средства выражения элементов склонения при помощи суффиксов, латентные формы множественного числа, элементы предложения (объект, обстоятельство, атрибут...), префигированные или инфигированные в глаголе, образование переходных глаголов при помощи префиксов, предикативные элементы в сочетании с именами, именной характер [основы] глагола. Эти соответствия обнаруживаются не только в определенных органических уподоблениях, но также и в морфологическом тождестве...»².

Затем следует перечень сопоставляемых родственных грамматических элементов, как они установлены в большинстве своем в двуязычных хаттских текстах, где «значение отдельных грамматических форм установлено на основе одновременных (синхронных) и буквальных хеттских переводов; сопоставляются: детерминативы (-r, -m), форманты имен (-n, -ol, -ls, lā-, -x, -n-ε), местоименные элементы (всего семь элементов), одно числительное (zε), один союз (ma «и»), более тридцати глагольных элементов (формантов) и около двадцати корней (именных, глагольных)³. «Такие явления, — пишет Ю. Месарош, — ... говорят о прямом родстве о б о и х я з ы к о в. Несмотря на прошедшие тысячелетия, основные грамматические элементы обоих языков обнаруживают поразительные соответствия»⁴.

Как видим, Ю. Месарош выдвигает положение о родстве протохеттского языка с убыхским языком в категорической форме и обосновывает это свое положение изученными протохеттскими текстами и большой монографией об убыхском языке: реалии обоих сравниваемых языков ему доступны, причем материалами убыхского языка он владеет лучше, чем кто-либо другой (с такой полнотой убыхский язык изучен впервые).

Правильно ли положение о родстве протохеттского языка с убыхским, выдвигаемое Месарошем? Чтобы ответить на это, надо проверить сравниваемые материалы (насколько они точны фактически, насколько правильно анализированы) и, следовательно, изучить соответствующие языки, учесть все аналогичные попытки, привлечь к сравнению, помимо убыхского языка, и другие иберийско-кавказские языки, в первую очередь абхазский и адыгские языки, ближайше родственные убыхскому.

Словом, чтобы иметь свое суждение, надо изучать эти языки, сравнивать их. Но кто же возьмется за это, если сама постановка вопроса о генетической связи протохеттского языка с убыхским (или другими иберийско-кавказскими языками) будет объявлена ненаучной, будет квалифицирована «дезорентирующей» специалистов по кавказским языкам?

¹ J. von Mészáros, указ. соч., стр. 5.

² См. там же, стр. 27—28.

³ См. там же, стр. 28—31, 32—33.

⁴ Там же, стр. 28.

Не то же ли самое происходило в советском языкознании, когда вообще историко-сравнительное языкознание было объявлено Н. Я. Марром и его последователями «буржуазной компаративистикой»? От этого историко-сравнительное языкознание не перестало быть научным, мы же, советские языковеды, в деле историко-сравнительного изучения языков порядком-таки отстали.

В подтверждение своего положения о генетической общности протохеттского с убухским Ю. Месарош ссылается и на данные археологии¹. Интересны его соображения о некоторых древних народах, в частности о мушках х. «После распада великого хеттского государства (Chatti-Reich) могущественный народ, наследовавший великим хеттским народам, у ассирийцев от времен Тиглат-пилесара I до Саргона II (1200—700 до н. э.) называется *Мушки*. Недавно расшифрованные хеттские иероглифы упоминают о них под именем *Миска*... В греческих надписях Лидии название этого народа выступает в форме *Мосхос*, *Мосхбс*, *Мосхион*, *Мосхианос*»². После персидских походов, когда старые государственные образования были разрушены, «остатки многих народов двинулись в разных направлениях. Столетие спустя (в VI в. до н. э.) мосхов мы находим далеко от их прежней южной родины на севере, на берегу Черного моря, где они упоминаются у Гекатея и Геродота среди колхских народов»³. Мосхи, таким образом, рассматриваются Ю. Месарошем как один из колхских, а не индоевропейских народов.

Быть может, после появления труда Месароша обнаружились новые обстоятельства, быть может, теперь протохеттский, хурритский, урартский языки определяются как индоевропейские и, следовательно, уже невозможно ставить вопрос о генетической общности означенных древних языков с иберийско-кавказскими языками?

Такой вопрос вполне уместен, если учесть, что за последние 20 лет усилилась критика воззрений медитерранистов, все настойчивее выдвигаются положения о том, что далеко не всюду в Средиземноморье и Передней Азии следует предполагать наличие неиндоевропейского субстрата, что индоевропейскими являются такие языки, как палайский, лидийский, ликийский, что догреческое население Балканского полуострова говорило на индоевропейском же языке, что вырисовывается группа древних «балкано-азиатических индоевропейских языков» (В. Георгиев).

Исключается ли тем самым постановка вопроса о генетической общности каких бы то ни было древних языков Передней Азии с иберийско-кавказскими языками? Не исключается. Даже с точки зрения принципиальных противников медитерранизма протохеттский, хурритский, урартский не могут быть отнесены к индоевропейским языкам; попрежнему стоит вопрос об их взаимоотношении с кавказскими языками; без сомнения, существует неиндоевропейский субстрат в восточной части Малой Азии, где индоевропейский хеттский соприкасался с реликтовыми неиндоевропейскими языками. Таковы положения, которые выдвигал в 1949 г. в специальной статье один из принципиальных противников медитерранизма известный болгарский языковед акад. В. Георгиев, призывавший к сотрудничеству с кавказоведами для решения вопросов, связанных с изучением древних балкано-азиатических языков⁴.

¹ См. там же, стр. 6—7.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 7—8 (разрядка наша. — А. Г.).

⁴ V. Georgiev, l'état actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques, «Archiv Orientalní», vol. XVII, pars I, 1949.

Быть может, после лингвистической дискуссии 1950 г. этот вопрос, выдвинутый в науке 70 лет тому назад, оказался научно не актуальным и, как потерявший значение, должен быть снят? В 1952 г. Издательство иностранной литературы выпустило перевод книги И. Фридриха «Краткая грамматика хеттского языка», изданной в 1940 г. (перевод с немецкого со вступ. статей А. В. Десницкой под ред. В. В. Струве).

Во вступительной статье между прочим, рассматривается вопрос о взаимоотношении хеттского (индоевропейского) языка с хаттским (протохеттским). Здесь читаем: «...Собственно „хеттским“ (или „хаттским“) языком исторически являлся не тот язык, за которым закрепила это название сложившаяся научная традиция, а неиндоевропейский язык древнейшего населения страны Хатти, от которого сохранились немногочисленные и до сих пор еще слабо изученные памятники... Для обозначения же языка древних хаттов используются термины „хаттский“ или „протохаттский“ язык. В лингвистическом отношении „протохаттский“ язык обнаруживает своеобразную структуру, напоминающую структуру языков Кавказа...»

Изучение „протохаттского“ языка представляет значительные трудности и сравнительно мало продвинулось вперед. В языкознании уже не раз выдвигалось предположение о возможности существования генетического родства между этим древним языком и языками Кавказа. Такое предположение является исторически весьма вероятным. Но для того чтобы оно превратилось в твердо установленное научное положение, конечно, недостаточно внешнего сопоставления типов грамматического строения, а необходимо тщательное и углубленное сравнительно-историческое исследование на основе конкретных лингвистических фактов. Это может быть достигнуто лишь тогда, когда изучением этой проблемы непосредственно займется специалист по иберийско-кавказским языкам¹.

А. В. Десницкая здесь ничего не говорит о хурритском, урартском и других языках Передней Азии: это вызвано темой. Но сказанное о протохаттском языке имеет отношение и к этим языкам. Что это так, можно судить по ее статье, с которой она выступила в том же году на страницах журнала «Вопросы языкознания».

«В настоящее время, — писала А. В. Десницкая в указанной статье, — наряду с древними семитическими языками (аккадским, ассирийским, финикийским) реально засвидетельствован ряд действительно неиндоевропейских и несемитических древних языков Передней Азии — шумерский, эламский, близко родственные друг другу хурритский и урартский, а также язык древнейшего населения Малой Азии — хаттский, или „протохаттский“. Все эти языки благодаря наличию письменных памятников могут быть предметом конкретного лингвистического изучения. Вопрос о генетических связях этих древних языков с индоевропейскими и семитическими уже решен отрицательно. Что касается сравнительно-исторического изучения их связей между собой, а также с языками иберийско-кавказской группы, то эта проблема несомненно стоит в порядке дня. В этом отношении применение сравнительно-исторического метода может дать самые положительные результаты. Особенный интерес представляет,

¹ А. В. Десницкая, О хеттском языке [вступ. статья в кн.: И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952], стр. 8—9 (разрядка наша — А. Ч.).

как нам кажется, сопоставление данных протохаттского языка с фактами кавказских языков. Весьма вероятно, что своеобразный грамматический строй протохаттского, с характерной для него префиксацией при глаголе, а также, повидимому, префиксацией так называемых классных показателей, может быть глубже понят, если конкретным исследованием его займутся в первую очередь специалисты по кавказским языкам¹.

Касаясь вопроса о том, что словарный состав неситского (т. е. индоевропейского хеттского) «...содержит в себе много таких слов, которые явно не имеют индоевропейских этимологий и, видимо, были заимствованы из неиндоевропейских языков Малой Азии» (хаттского и хурритского), А. В. Десницкая пишет: «Неиндоевропейские элементы в словаре составе хеттского языка изучены очень слабо. Большое значение в этом изучении может иметь привлечение материалов иберийско-кавказских языков. Вообще для плодотворного исследования древних малоазийских языков, как индоевропейских, так и неиндоевропейских, координация работы кавказоведов со специалистами в области сравнительной грамматики индоевропейских языков является одним из необходимых условий»². (О необходимости такой координации писал еще в 1949 г. В. Георгиев в цитированной нами статье.)

Так обстояло дело до дискуссии по данному вопросу на страницах журнала «Вопросы языкознания». Приведенные выдержки с достаточной наглядностью показывают, что этот вопрос — не праздная затея тбилисских кавказоведов, он имеет большую историю и научно весьма актуален.

Что сказали специалисты по древним или кавказским языкам во время дискуссии? Считают ли они, что данный вопрос ненаучный, что его «постановка дезориентирует специалистов по кавказским языкам»? Нет, не считают; научную правомерность вопроса признают; связи тех или иных древних языков с иберийско-кавказскими не отрицают, но оспаривают (И. М. Дьяконов, И. М. Дунаевская) положение о том, что можно говорить о семье хеттско-иберийских языков³.

И. М. Дунаевская подчеркивает связь хаттского (протохеттского) с иберийско-кавказскими языками, но отмечает, что хаттский (протохеттский) язык не является родственным хурритскому и урартскому, а поскольку «хаттский среди языков Малой и Передней Азии стоит особняком, то вряд ли имеются какие-либо основания говорить о хеттско-иберийской семье языков»⁴.

Автор, следовательно, исходит из положения, что о семье языков нельзя говорить, если, с одной стороны, имеется группа языков (кавказские языки), а с другой стороны — лишь один язык (хаттский). Такое толкование необходимого состава семьи языков нельзя не признать произвольным (ср., например, «угро-финские языки»), но оно понадобилось автору, иначе пришлось бы признать наличие семьи: ведь И. М. Дунаевская связи хаттского языка с кавказскими отнюдь не отрицает.

В этом отношении наиболее характерны следующие ее утверждения: «Сказанного выше вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что хаттский язык является языком неиндоевропейским. Вполне возможно, что в Ма-

¹ А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительной грамматики индоевропейских языков, ВЯ, 1952, № 4, стр. 43 (разрядка наша. — А. Ч.).

² Там же, стр. 53 (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Термин «хеттско-иберийские языки» оспаривается и другими участниками дискуссии.

⁴ И. М. Дунаевская, О характере и связях языков древней Малой Азии, ВЯ, 1954, № 6, стр. 78.

лой Азии существовали и другие языки, близкие к хаттскому, но они не засвидетельствованы письменными памятниками¹.

«Хаттский язык, несомненно, оказал (как субстрат, или как адстрат, или как то и другое) глубочайшее воздействие на неситский, лувийский, а может быть, и на другие языки древней Малой Азии. Не только множество культурных терминов, но вообще более половины неситских слов надо считать хаттскими по происхождению»².

«Основна глагола в хаттском содержит два согласных. Глагольная система имеет, повидимому, большое сходство с грузинской. Различается субъектное и субъектно-объектное спряжение... Часть префиксов..., вероятно, может быть связана с аналогичными грузинскими префиксами; другие префиксы аналогий в грузинском не имеют... Имеется ли связь между хаттским и грузинским в области лексики, пока сказать трудно»³.

«Возражая против объединения кавказских и индоевропейских (? — А. Ч.) языков древней Малой Азии по генетическому признаку, следует всячески подчеркивать необходимость сравнительного изучения лексики кавказских языков и количественно преобладающей в древнеанатолийских языках неиндоевропейской лексики. Последняя, весьма вероятно, восходит в известной части если не к индоевропейскому, то все-таки к общему (возможно, хаттскому или даже дохаттскому) источнику, установление которого очень важно для решения этногенетических проблем и проблем кавказского языкознания»⁴.

В этих высказываниях И. М. Дунаевской очень интересной представляется характеристика лексики протохеттского языка. Спорным следует считать утверждение об отсутствии генетической связи урартского и хурритского с протохеттским: расхождение между этими языками специалисту по иберийско-кавказским языкам не кажется большим, чем расхождение между такими двумя иберийско-кавказскими языками, как абхазский и лезгинский, родство которых общепризнано (абхазско-адыгские и дагестанские языки включаются в семью северокавказских языков). О толковании понятия состава семьи сказано выше.

Вызывает возражения сопоставление протохеттского материала (глагольных формантов) с грузинским: здесь суждениям И. М. Дунаевской не достаёт исторической перспективы в части, касающейся грузинского языка (образчик сравнения без учета истории сравниваемого).

Непонятно, почему И. М. Дунаевская находит нужным возражать «против объединения кавказских и индоевропейских языков древней Малой Азии по генетическому признаку»: ведь кавказские языки с и н д о е в р о п е й с к и м и языками древней Малой Азии мы не объединяем, наоборот, всюду подчеркиваем, что вопрос может ставиться о связи неиндоевропейских языков.

И. М. Дьяконов считает важной и интересной задачей изучение взаимоотношения между древними и иберийско-кавказскими языками. Он пишет: «Вся масса исторического, археологического, этнографического и антропологического материала указывает на г е н е т и ч е с к и е связи большинства современных народов Ближнего Востока, в особенности народов Закавказья, с народами Древнего Востока»⁵. Несомненно.

¹ И. М. Дунаевская, указ. соч., стр. 77.

² Там же (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ О связях по линии материальной культуры см. А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1954, стр. 96.

что выявление тех или иных связей лингвистического характера между несемитскими и неиндоевропейскими языками Древнего Востока, с одной стороны, и кавказскими языками, с другой, представляет важную и интересную задачу¹.

Это бесспорно; упомянутый вопрос о генетической связи касается не только живых иберийско-кавказских языков, но и таких мертвых, как албанский язык (точнее: албанские языки), имевший в древности распространение на территории современного Азербайджана, а также тот неиндоевропейский язык, из скрещения которого с индоевропейским образовался древнеармянский язык, язык индоевропейский.

Работа по выявлению неиндоевропейских (иберийско-кавказских, урартских, хурритских, протохеттских и т. д.) элементов в армянском языке, проводимая ныне проф. Г. А. Капанцян, исторически правомерна и по результатам ценна (как это было нами отмечено в свое время), несмотря на спорность толкования отдельных языковых фактов. Аналогичная работа в плане выявления албанского субстрата в современном азербайджанском языке, языке алтайской (тюркской) группы, так же оправдана, как выявление неиндоевропейского материала в индоевропейском армянском языке. К сожалению, изучение албанизмов в азербайджанском языке (дело весьма трудное) пока не ведется ни специалистами по алтайским (тюркским) языкам, ни специалистами по иберийско-кавказским языкам.

Существенно важные вопросы родства языков вообще и трудности его прослеживания затронуты И. М. Дьяконовым (в связи с вопросом о различных общественных формациях), однако соответствующим его высказываниям недостает ясности². В частности, невозможно согласиться со словами автора: «Если учесть историческую сторону дела, то станет ясно, что даже трудно ожидать образования в древней Передней Азии больших, широко распространенных языковых семей с четкими генеалогическими соотношениями»³.

«Резкое различие в грамматическом строе, в частности, между хаттским и хуррито-урартской группой», подчеркиваемое И. М. Дьяконовым⁴, находит аналогию в соотношении живых иберийско-кавказских языков (абхазский — лезгинский!) и само по себе не может предпринять вопроса о родстве: требуется учет истории (см. выше стр. 72 и сл.).

Наличие эргативной конструкции и в хурритском, и в урартском — факт существенно важный, в особенности если учесть, что соответствующие форманты — хуррит. *ṣ*, урарт. *ṣe* — материально идентичны с формантом эргатива в вейнахских языках, а также в аварском⁵. Значение этого факта трудно переоценить: в эргативной конструкции находят выражение особенности спряжения (переходного глагола) и склонения имен. Вряд ли специалисты по индоевропейским языкам при определении их взаимоотношений с каким-либо новым языком оставили бы без внимания эргативную конструкцию, если бы она имела в латинском и древнегреческом.

И. М. Дьяконов пишет: «...хаттский язык... все же являет, повидимому, известные черты схождения с иберо-картвельскими и, возможно, с абхазо-

¹ И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, ВЯ, 1954, № 5, стр. 63—64.

² См. там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 62 (разрядка наша. — А. Ч.).

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Это отмечено, в частности, И. Я. Брауном и Г. А. Климовым в специальном докладе «Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков», прочитанном на V (XI) научной сессии Ин-та языкознания АН Груз. ССР в июне 1954 г. [см. «Научная работа и тезисы докладов», Тбилиси, 1954, стр. 49].

черкесскими языками»¹, но тут же оговаривает: «На этом основании, если бы родство хаттского с указанными языками подтвердилось, его можно было бы включить прямо в число кавказских, но это не дает повода для постулирования особой „хетто-иберийской семьи“»². Родственные языки образуют семью (или ветвь семьи). Почему в данном случае это невозможно?

Признав важной и интересной задачей «выявление тех или иных связей лингвистического характера между несемитскими и неиндоевропейским языками Древнего Востока, с одной стороны, и кавказскими языками, с другой», — И. М. Дьяконов оговаривает: «Но тем не менее нам кажется бесспорным вывод, что при существующем уровне развития науки положение о единстве всех этих языков носит априорно декларативный характер»³. Далее следует: «И уже во всяком случае, рано давать название „кругу“ или семье языков, само единство которых весьма и весьма сомнительно. Это — опять-таки предвосхищение результата исследования»⁴.

Итак: проблема не только не дезориентирующая, но важная и интересная. Может даже родство обнаружиться, но при существующем уровне знаний о единстве всех этих языков⁵ говорить нельзя — это носило бы априорно-декларативный характер. Уместно спросить: разве семьдесят лет назад, когда Ф. Гоммель говорил об алародийских языках, лучше, чем теперь, были изучены древние языки или кавказские языки, единство которых признавал обозначить данный термин? Каким же образом Гоммель говорил о единстве алародийских языков? Почему положение об их единстве не носило априорно-декларативного характера?

В 1864 г. П. Услар писал о единстве кавказских языков: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитическому, кушитскому... и урало-алтайскому должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков *кавказских*, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты»⁶. Но в 1864 г., когда писались эти строки, П. Усларом были исследованы лишь абхазский, чеченский и аварский языки. Следовательно, положение о единстве кавказских языков при существовавшем тогда уровне знаний, согласно И. М. Дьяконову, носило априорно-декларативный характер. Давать название гипотетической семье, как замечает И. М. Дьяконов, рано: это было бы «предвосхищением результатов исследования». Но разве бывает гипотеза, которая не предвосхищала бы результатов?

В оценке самой постановки вопроса И. М. Дьяконов определенно расходится с Е. А. Бокаревым («важная», «интересная» задача — по И. М. Дьяконову; «дезориентирующая» — по Е. А. Бокареву), однако выводы он стремится получить те же, — последовательность от того не выигрывает.

Как известно, имеются серьезные попытки выявления генетических связей между протохеттским и убыхским, между урартским и картвельскими, вейнахскими и дагестанскими языками: в них связь прослежи-

¹ ВЯ, 1954, № 5, стр. 47.

² Там же, сноска 11 (разрядка наша. — А. Ч.).

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, сноска 55.

⁵ Речь, разумеется, идет не о всех языках.

⁶ П. К. Услар, *Этнография Кавказа. Языкознание*, II, Тифлис, 1888, стр. 35.

вается не на материале отдельных слов, а по ряду грамматических фактов. Проф. Г. В. Церетели в специальном, подробно аргументированном докладе «К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской семье языков»¹ показал, что многие особенности спряжения урартского глагола могут быть поняты лишь при учете принципов спряжения иберийско-кавказских языков. Сдержанный в обобщениях докладчик концентрировал внимание на анализе конкретного материала.

Убедителен ли этот анализ? И если нет, почему? Ответа нет. И. М. Дьяконов ни об этом докладе, ни о других попытках анализа конкретного материала ничего не говорит. Не утруждает себя их разбором и Е. А. Бокарев². Оценка же «априорный», «чисто декларативный» используется без каких-либо ограничений. Не показывает ли это, что сама оценка носит априорный характер?

Несмотря на подобный характер оценки, даваемой И. М. Дьяконовым положению о генетической связи древних языков с иберийско-кавказскими, саму постановку вопроса И. М. Дьяконов отнюдь не отклоняет; наоборот, вопрос признан важным. В этом существенное отличие установок И. М. Дьяконова, а также И. М. Дунаевской от установок Е. А. Бокарева по данному вопросу.

Наиболее интересна дискуссионная статья В. Георгиева, автора оригинальной (балкано-азиатической) концепции, базирующейся на большой исследовательской работе. Отклоняя медитерранистские установки, В. Георгиев обосновывает новое понимание лингвистических и этнических проблем древней Малой Азии и Балканского полуострова, где он предполагает наличие древнейших индоевропейских языков. Основы данной концепции, естественно, усиливают критическое отношение к вопросу об удельном весе индоевропейских языков в бассейне Средиземного моря и в Передней Азии. Поэтому воззрения В. Георгиева по спорному вопросу являются особенно ценными.

В северной части Средиземноморья В. Георгиев выделяет три отдельные языковые зоны, существовавшие еще в глубокой древности: 1) иберийские языки (баскский, иберийский, тартесский); 2) южноиндоевропейские языки (догреческие, ликийский, лидийский, трояно-этрусский, карийский, хеттский, лувийский, палайский и иероглифический «хеттский» как языки коренного древнего населения Эгейской области и западной Малой Азии); 3) кавказские языки: хаттский, хурритский и урартский. «Хаттский был языком основного древнего населения восточной, точнее северо-восточной Малой Азии», — пишет он³.

Таким образом, генетическая общность хаттского (т. е. протохеттского), хурритского и урартского для В. Георгиева не является спорной. «Хаттский язык, — по его мнению, — без всякого сомнения, родствен кавказским языкам. Характерная черта хаттского языка — префиксация как средство словоизменения — встречается как раз в этих языках, а хаттское слово *washab* „бог“ явно родственно адыгейскому (черкесскому) *washo* „бог“...

¹ Доклад был прочитан в Москве на расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР в июне 1953 г. (см. ВЯ, 1953, № 5, стр. 116).

² Е. А. Бокарев пишет, что Г. В. Церетели «поставил вопрос о генетических связях урартского языка с кавказскими, привел некоторый материал в подтверждение своей мысли...» (ВЯ, 1954, № 3, стр. 46; рядка *ваша*. — А. Ч.), но что это за материал и как он анализирован — об этом не говорится ни слова.

³ В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 71.

Урартский и хурритский также можно считать родственными современным кавказским языкам. Важной задачей для кавказоведов является подробное изучение этих языков, а также и вышеупомянутого хаттского, в целях более точного установления их родственных отношений¹.

В. Георгиев считает задачей кавказоведов и «проверку наличия кавказских элементов в этрусском языке»². Далее он пишет о том, что важной задачей кавказоведения является исследование хаттско-кавказского субстрата в хеттском языке³.

«А. С. Чикобава, — замечает В. Георгиев, — вполне обоснованно оспаривает обычно употребляемое название „хеттский“ для обозначения индоевропейского языка. Без сомнения, „хаттский“ является названием неиндоевропейского языка, а „хеттский“ представляет позднейшую (еврейскую) форму того же названия. Но название „хеттский“ уже стало господствующим для обозначения именно индоевропейского языка из северо-восточной Малой Азии, точное название которого нам, к сожалению, неизвестно»⁴.

По существу термин «хеттский» нам представлялся подходящим для обозначения именно неиндоевропейского языка: не существует никаких оснований научного порядка, в силу которых «протехеттский» (т. е. первохеттский, древнехеттский) нельзя называть «хеттским», а другой язык нужно называть хеттским. Поэтому мы следовали тем авторам, которые для индоевропейского хеттского пользуются термином «неситский»: называют же «лувийским» (а не хеттским) другой индоевропейский язык Хеттского государства.

В то же время во избежание недоразумений целесообразно неиндоевропейский хеттский называть «протехеттским», а не «хаттским» (термины «хеттский» и «хаттский» трудно различимы).

Справедливо замечание В. Георгиева по поводу формулировки: «неситский и лувийский по морфологии сближаются с индоевропейскими...»⁵. Формулировка здесь неточная: неситский, несмотря на наличие в нем неиндоевропейских элементов, в тексте учебника фигурирует среди индоевропейских языков⁶.

Медитерранизм не является необходимой предпосылкой генетической общности протехеттско-кавказских языков, как они нам представляются: их родство можно защищать, отвергая медитерранизм⁷ (пример тому — воззрения В. Георгиева). Однако вопрос о связях баскского языка с иберийско-кавказскими, на наш взгляд, безусловно имеет положительное решение (на чем здесь невозможно останавливаться). Мысль о необходимости координирования работы по разработке обсуждаемой проблемы, о чем В. Георгиев говорил еще в 1949 г., следует приветствовать.

¹ В. Георгиев, указ. соч., стр. 70 (разрядка наша. — А. Ч.).

² Там же, стр. 56.

³ См. там же, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 69—70.

⁵ См. там же, стр. 67.

⁶ См. А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I, М., 1952, стр. 211.

⁷ Так, совершенно фантастичны у проф. И. Карста произвольные сопоставления по внешнему созвучию несводимых фактов древних и новых, в том числе иберийско-кавказских языков. Например, этнические термины *Suani*, *Sabini* и *Suomi* [картвельское племя *суаны*, др.-итал. *сабины* и *суоми* (финны) «от моря и до моря»!] «увязываются» друг с другом. См. J. Karst, *Origines mediterraneae* Heidelberg, 1931, стр. 373. Тот же автор употребляет термин «иберио-кавказский», «иберийский» обозначает ириетийских иберов (но отнюдь не картвелов). Критика воззрений И. Карста нами будет дана отдельно.

Несколько слов о статье С. С. Какабадзе, повторяющей негативные установки Е. А. Бокарева, разбор которых дан выше. Обоснования этих негативных установок С. С. Какабадзе также не дает. Не имеется в статье и конкретного языкового материала по иберийско-кавказским или по древним языкам. Новым является своеобразное освещение истории вопроса, который якобы был выдвинут лишь в 1937 г. тбилисскими специалистами. Фактическая несостоятельность этого утверждения ясна из обзора истории вопроса, представленного выше.

Много места в статье уделено полемике с грузинскими историками (например, о взаимоотношении терминов «Иберия» и «Спер»). Но от того или иного решения данного вопроса не зависят ни понятия, ни термины иберийско-кавказского языкознания. Что же касается собственно исторической стороны вопроса (и разногласий с историками) — это не раз служило предметом обсуждения (в последний раз — широкого обсуждения в конце 1954 г.) специалистов по истории, которые, видимо, не разделяют мнений С. С. Какабадзе (иначе С. С. Какабадзе на них сослался бы).

Таким образом, дискуссия показала, что вопрос о генетической общности древних неиндоевропейских языков Передней Азии с иберийско-кавказскими научно актуален. Гипотеза о родственных связях этих языков, как их ни называть, все равно, требует обоснования. Задача эта исключительно сложна. Нам не раз приходилось указывать на то, что она должна решаться с научной убедительностью.

Приходится преодолевать трудности двойного рода: одни — фактические (они связаны с установлением фактов мертвых языков), другие — методологического порядка: это — трудности, связанные со сравнительным анализом живых языков с мертвыми.

В процессе дискуссии вопрос этот остался вне поля зрения. Он требует специального рассмотрения. Ошибки, допущенные в прошлом при сравнении древних мертвых языков с живыми языками Кавказа, будучи проанализированы надлежащим образом, могут привести к ценным выводам методологического порядка. К этому в дальнейшем придется вернуться заинтересованным специалистам, конечно, при условии, что проблема не будет дискредитирована и снята как «дезорентирующая». Защите данной проблемы как проблемы большой научной актуальности поэтому, естественно, нами уделялось основное внимание.

В заключение можно сказать:

1. Генетическое единство иберийско-кавказских языков научно обосновано в результате уже проведенной работы по изучению всех четырех групп данных языков.

Опубликование имеющихся результатов и сводных историко-сравнительных работ, которое уже производится, сделает осязательным факт генетического единства и для специалистов по другим языкам.

2. В термине «иберийско-кавказские языки», в нашем понимании, «иберийские», — синоним «картвельских» (с древними пиренейскими «иберами» он не связан). В термине «иберийско-кавказские языки» акцентируется положительное решение вопроса о связи так называемых «северокавказских» языков с южнокавказскими, связи, которая часто считается спорной.¹

3. Вопрос о генетических взаимоотношениях живых иберийско-кавказских языков с древними неиндоевропейскими, несемитическими языками Передней Азии (урартским, хурритским, протохеттским, адамским) возник по меньшей мере семьдесят лет назад.

4. Научная актуальность вопроса бесспорна: об этом свидетельствуют

как высказывания старых авторов, так и новейшие работы советских и зарубежных специалистов.

5. Несовместимо с интересами развития советского кавказоведения мнение Е. А. Бокарева, будто постановка вопроса об исторической общности древних неиндоевропейских и несемитических языков Передней Азии и иберийско-кавказских языков «дезориентирует специалистов по кавказским языкам».

Кавказоведов не может дезориентировать задача, для научного решения которой требуется всестороннее (и описательное, и историко-сравнительное) изучение иберийско-кавказских языков. Отказ от работы над этим научно-актуальным вопросом может повести лишь к тому, что советская наука будет лишена возможности иметь свою позицию по данному вопросу и, следовательно, будет отставать (так же, как отстало советское историко-сравнительное языкознание в годы господства марксизма из-за того, что историко-сравнительный метод был объявлен «буржуазной компаративистикой»).

6. С иберийско-кавказскими языками могут быть увязываемы лишь неиндоевропейские и несемитические древние языки Передней Азии. Это не обусловлено медитерранистской установкой: за общность этих языков могут стоять как сторонники, так и противники медитерранизма.

7. Из неиндоевропейских и несемитических древних языков в первую очередь речь здесь может идти о протохеттском, хурритском, урартском (далее об эламском и, по новейшим данным, — шумерском). Вопрос о связи баскского с иберийско-кавказскими языками имеет положительное решение.

8. Для большей ясности эти древние языки целесообразно обозначать термином «протохеттско-урартские» или, сокращенно, «протохеттские», а более широкий круг языков соответственно — «протохеттско-иберийские» (в значении «протохеттско-иберийско-кавказские»).

9. Индоевропейский неситский (или хеттский) язык нами сюда, конечно, не относился и не относится.

10. Из вопросов, которые в первую очередь должны быть поставлены, следует особо выделить вопрос о специфике историко-сравнительного анализа при изучении генетических взаимоотношений живых языков с мертвыми.

Естественно это сделать сначала на материале сравнения урартского с вейнахскими и дагестанскими языками, далее протохеттского с абхазско-адыгскими языками.

11. При изучении иберийско-кавказских языков возникает много вопросов, как конкретно-исторических, так и общелингвистических, которые требуют широкого обсуждения специалистами (т. е. лицами, владеющими материалами).

Несравненно больше таких вопросов возникает в связи с изучением древних мертвых языков. Нужно со всей остротой ставить реальные, научно значимые вопросы, а не уходить от их постановки и решения.

12. Самое главное — позитивная исследовательская работа, без которой никакие дискуссии вперед не поведут. Плодотворная работа в данной области, как справедливо указывали В. Георгиев и другие специалисты, действительно требует объединения усилий кавказоведов, индоевропейцев, ориенталистов, а также привлечения историков, археологов, этнографов, чтобы должным образом учесть собственно исторический, археологический, этнографический аспекты проблемы.